

ВМЕСТЕ ИНЭИНИЕМ

Ежемесячная газета Черкасского областного благотворительного
еврейского фонда „Турбота поколінь – Хесед Дорот“

Издаётся с декабря 2000 года.

Элук/Тишрей 5781/5782 сентябрь 2021

№9(237)

День памяти жертв Бабьего Яра

Бабий Яр считается местом начала Холокоста, первых массовых убийств евреев нацистами. Ровно 80 лет назад в Бабьем Яру на северо-западе Киева начались массовые расстрелы. С 29 сентября по 11 октября 1941 года эсэсовцы и их местные пособники убили там практически всё еврейское население города – более 50 тысяч мужчин, женщин и детей.

Бабий Яр и Освенцим – самые страшные и самые известные символы Холокоста.

Бабий Яр – это овраг длиной в два с половиной километра, местами достигающий пятидесятиметровой глубины, был известен под этим названием с 1401 года, когда некая шинкарка продала прилегающую землю доминиканскому монастырю.

19 сентября 1941 года части вермахта вошли в Киев. Первый расстрел в Бабьем Яру случился 27 сентября. Было расстреляно 752 пациента расположенной неподалёку психиатрической клиники. Нацисты, как известно, считали душевнобольных „человеческим мусором“. В тот же день оккупационные власти расклеили по городу около двух тысяч объявлений: „29 сентября еврейское население города к восьми часам утра обязано явиться в назначенную точку сбора с документами и ценными вещами. За невыполнение приказа – расстрел“.

Эсэсовцы арестовали девять ведущих раввинов Киева и заставили их выступить с заявлением: „После санобработки евреи и их дети будут переправлены в безопасные места“. Местом сбора был назначен Бабий Яр. Это породило слухи, что евреев будут отправлять в Палестину.

„Из своих жилищ они выходили ещё затемно, чтобы добраться пораньше до поезда и занять места. С ревушками детьми, со стариками и больными... Перевязанные верёвками клумки, ободранные фанерные чемоданы, залатанные корзины, ящики с плотничьими инструментами. Бабушки несли, перекинув через шею, словно гигантские бусы, вязки лука – запас провизии на дорогу“, – вспоминает в романе-документе „Бабий Яр“ писатель Анатолий Кузнецов.

29 сентября утром полицейские начали оцеплять улицы, по которым должны были идти их жертвы, и сам Бабий Яр. Дорога, по которой шли евреи, получила название „коридор смерти“. Сначала никто не догадывался, что будет в конце маршрута, а потом люди оказывались в ловушке.

Тех, кто добровольно не покинул свои квартиры, принудительно выводили немецкие полицейские, которые иногда убивали прямо на месте.

Немцы направляли евреев, прибывавших на еврейское кладбище, налево к восточной огаде соседнего военного кладбища, где отбирали у них тёплую одежду, ювелирные украшения и документы.

Переводчик говорил прибывшим евреям, что их багаж будет доставлен по железной дороге. В этот момент многие жертвы осознавали, что их ждёт.

Люди оказывались в ловушке, где с одной стороны была стена военного кладбища, а с другой – кордон полиции.

На краю участка были холмы, а между ними – узкие проходы, через которые евреев загоняли к центру Бабьего Яра. Там несколько команд СС, зондеркоманды 4а и 45-го полицейского батальона, распределённые вдоль южной части Яра, расстреливали евреев выстрелами в затылок.

Бывший шофёр зондеркоманды 4а Фриц Хефер назвал происшедшее в Бабьем Яру „конвейером“: „Это был конвейер, не различавший мужчин, женщин и детей. Детей оставляли с матерями и расстреливали вместе с ними. Я наблюдал за всем этим недолго. Подойдя к яме, я настолько испугался того что увидел, что не мог долго туда смотреть. В яме я увидел уже три ряда трупов, уложенных на протяжённости примерно 60 метров. Сколько слоёв лежало один на другом, я разглядеть не мог“, – вспоминает Хефер.

По данным Мемориального центра, в течение первого дня были убиты 22 тыс. человек, а в течение второго – около 12 тыс. Согласно имеющимся данным, немецкие отряды за два дня расстреляли 33 771 еврея. Вечером 30 сентября солдаты 113-го сапёрного батальона подорвали края Бабьего Яра, чтобы скрыть тела, а потом, как показывает ряд немецких фотографий, около сотни советских военнопленных выравнивали поверхность места захоронения.

До 11 октября расстреляли тех, кто не явился по приказу, – ещё около 17 тысяч человек.

Массовые расправы в Бабьем Яру продолжались до конца оккупации Киева в ноябре 1943 года. Расстреливали заложников, подпольщиков и партизан, узников находившегося неподалёку Сырецкого концлагеря, цыган и караимов.

10 января 1942 года были убиты около ста захваченных в плен матросов Днепровского отряда Пинской военной флотилии, 18 февраля 1943 года – участвовавшие в знаменитом „матче смерти“ игроки киевского футбольного клуба „Динамо“ Николай Трусович, Иван Кузьменко и Алексей Клименко.

Бабий Яр стал местом уничтожения пяти цыганских таборов. Там же был расстрелян 621 член Организации украинских националистов, выступавших за независимость Украины, в том числе поэтесса Елена Телига и её коллеги по редакции газеты „Украинское слово“.

В ночь на 29 сентября 1943 года в Бабьем Яру произошло восстание 329 заключённых Сырецкого лагеря, которых заставляли откапывать и сжигать трупы. Восемнадцать человек из них сумели бежать и спастись.

Точное число жертв, покоящихся в гигантском массовом захоронении, установить не удалось. Наиболее достоверная цифра – 70 тысяч, но некоторые источники говорят о 100-120 тысячах.

Воспоминания очевидцев. Актриса Дина Проничева жила в Киеве на ул. Тургеневской. Она – одна из немногих выживших во время массовых расстрелов. 29 сентября Проничева планировала провести своих родителей Мирона Александровича, Анну Ефимовну Мстиславских и сестру Иду, а затем – вернуться к мужу домой.

Она вспоминает, что по улицам города двигались большие массы людей, в том числе старики и дети всех возрастов, несли с собой в основном вещи и продукты питания. Их провожали родные и знакомые, украинцы, русские, граждане других национальностей. Улицы, ведущие к месту сбора – району возле кладбища, были заполнены. Родители Дины Проничевой вышли вперед и затерялись в толпе, больше она их не видела. В Бабьем Яру ей удалось спастись, потому что она упала с обрыва на тела погибших ещё до выстрела и притворилась мёртвой. По телам ходили немецкие офицеры и проверяли, нет ли живых, и ей наступили на руку. Дина в течение трёх дней пыталась выйти за пределы Бабьего Яра. На третий день ей удалось спрятаться в сарае. Однако владелица сарая сообщила об этом немцам – и Проничева во второй раз попала в Бабий Яр. На этот раз её посадили в грузовик, но в районе Шулявки Дине и её подруге Любове Шамин удалось выпрыгнуть. Они спрятались у жены двоюродного брата Дины Проничевой, а потом перебрались на Дарницю, которая тогда была далёкой окраиной Киева. После завершения войны, в январе 1946 года, Дина выступила свидетелем на киевском процессе, когда судили и казнили ряд немецких офицеров. Там она рассказала о трагедии Бабьего Яра.

Ещё одна, кому посчастливилось выжить, – Геня Баташева. Она рассказала, что на момент трагедии в Бабьем Яру ей было 17 лет. Она с подругой подошла к немецкому полицейскому и сказала, что на самом деле русская и попросила его помочь. Немец поверил и согласился спрятать их в своей машине.

«Я сказала, что мы сёстры, немцы записали наш адрес, а потом спрашивают фамилию. И тут, я думала, нам конец. „Я, – говорю, – Баташева, а Маня – Чернецкая (была у нас соседка во дворе с такой фамилией). Немцы удивились, а я им на пальцах показываю, не родные мы, двоюродные сёстры. Посадили нас в машину, знаете, „эмка“, сзади у неё такое окошечко небольшое... Когда водитель привёз нас с Маней на угол улицы Мельникова и отпустил, мы не придумали ничего лучше, как отправиться к себе домой на Тургеневскую“, – вспоминает Баташева.

Прошло 80 лет со дня трагедии в Бабьем Яру, и наш долг – сохранить память об этой трагедии и передать её следующим поколениям.

По материалам сайтов Интернет.

Японский Холокост

Япония была союзником нацистской Германии, но не хотела решать „еврейский вопрос“. Японцы принимали еврейских беженцев без виз, ни в чём их не ограничивали, а выстроив в Шанхае гетто – почти не охраняли его.

В мае 1942 года немецкая разведка, которая тщательно следила за сообщениями японского посольства в Берлине, перехватила радиogramму. Посол писал в Токио о давлении на него со стороны нацистов – те требовали как можно скорее решить „еврейский вопрос“. „Альфред Розенберг настаивает, что нам необходимо поставить точку в деле евреев, пока они не стали проблемой. Он считает, что в первую очередь нам необходимо ограничить их свободное передвижение по Азии“, – телеграфировал посол, запрашивая у столицы рекомендации по дальнейшей тактике. Ответ из Токио пришёл быстро: „По возможности мягко вводите господина Розенберга от еврейской темы“.

Ещё в 1936 году Япония заключила с нацистской Германией так называемый „антикоминтерновский пакт“: обе страны договорились о сотрудничестве и совместном противоборстве идеям коммунизма. А 27 сентября 1940 года Япония, Германия и Италия подписали в Берлине пакт о военной взаимопомощи и установлении „нового мирового порядка“. К тому моменту в самой Японии, по разным данным, проживало от двух до четырёх тысяч евреев: центрами еврейских общин были Токио, Кобе и Нагасаки. Однако количество еврейского населения стремительно росло за счёт беженцев, которые с середины 30-х годов начали прибывать из Германии и Австрии. На заседании совета министров в Токио в 1938 году было принято решение разрешить еврейским беженцам обосноваться в Харбине и Шанхае. Японцы оккупировали эти китайские города в 1932 и 1937 годах. При этом в Шанхае продолжал действовать безвизовый режим, оставшийся ещё со времён опиумных войн XIX века.

Одна из австрийских беженок Дана Янкловиц-Манн вспоминала: „В Германии и Австрии мужчин уже начали забирать в концентрационные лагеря. Им давали от двух недель до месяца, чтобы найти страну, готовую их принять. Жёны и дети старались получить для своих мужей и отцов паспорта, визы, хоть что-то. Но посольства закрыли свои двери. Все страны, включая США, закрыли свои границы. И тогда в Вене пошёл слух, что в Азии есть города, куда можно въехать без визы, свободно. Слух начал распространяться, как пожар“. За счёт беженцев население одной только еврейской колонии в Шанхае всего за полтора года выросло до 15–17 тысяч человек.

В 1942 году нацисты утвердили план геноцида еврейского народа на конференции в Ванзее. Тон обращений Альфреда Розенберга к японскому послу становился всё более резким. Розенберг называл одним из главных идеологов Холокоста – позже его признают виновным на Нюрнбергском процессе и казнят в 1946 году. Однако Япония в своих ответах ссылаясь на собственный принцип „Хакко Итти“ – равенства рас под главенством императора. Он не выделял евреев – в особенности тех из них, кто обладал гражданством других стран – как отдельную прослойку населения, которая заслуживает особого внимания властей. Евреев же без гражданства – например, тех, кто, потеряв гражданские права, бежал из Германии – приравнивали ко всем другим лицам без гражданства: их ставили в одну группу, например, с русскими мигрантами, осевшими в Японии после революции. Им требовалось регулярно отмечаться и уведомлять о своём местонахождении полицейские органы.

На местах встречались и случаи откровенного покровительства еврейским беженцам. Так, японский консул в Литве Тиуне Сугихара, которого часто называют „японским Шиндлером“, выдал больше пяти тысяч транзитных виз семьям, уезжающим из Польши и Германии. Визы давали возможность сложным путём – через Советский Союз и Японию – достичь Кюрасао, голландской колонии в Карибском море. Однако большая часть беженцев, в том числе и знаменитая иешива „Мир“, состоящая из 500 студентов и преподавателей, осела в японском городе Кобе. „Здесь мы были будто не беженцы, а туристы. Мы имели возможность ездить, вести дела, даже посещать курорты“, – вспоминал один из очевидцев тех событий. Другие говорили о „доброжелательной атмосфере Кобе“ и о совсем уже немислимых случаях: например, о японском враче, который отказался брать деньги за лечение еврейского ребёнка, или фермере, который бесплатно раздавал фрукты.

Эта ситуация изменилась в 1943 году, когда под давлением Германии японцы создали еврейское гетто в Шанхае. Его разместили в бедном и перенаселённом районе Хункоу: сюда переместили не только шанхайскую общину, но и большинство еврейских диаспор из Кобе, Токио и Нагасаки. По оценкам историков, население гетто могло составлять более 17 тысяч человек. При этом японцы хотя и охраняли гетто, но практически никак не вмешивались в его внутреннюю жизнь. Они не проводили арестов и акций геноцида по отношению к обитателям гетто, а те, в свою очередь, имели право на выход в „большой город“ – для этого им надо было получить разрешение в одном из контрольно-пропускных пунктов. В гетто также можно было передавать посылки и деньги.

„Всё это не исключало жестокости по отношению к еврейским беженцам со стороны отдельных чиновников и солдат. Однако следует признать, что в целом японцы обращались с ними так же, как и с другими нейтральными национальными сообществами“, – пишет историк Мерон Медзини, автор книги „Под тенью восходящего солнца. Япония и евреи в годы Холокоста“. По его словам, Япония вела подобную политику на всех оккупированных ею землях. Исключение составили только Филиппины, где в 1943 году японская администрация вынесла общее предупреждение евреям, которых подозревали в шпионаже и организации чёрного рынка. „Антисемитские настроения, конечно, имели место в Японии – как среди власти, так и простого народа. Однако в целом японское отношение к евреям можно было описать как тонкую и противоречивую структуру, в которой подозрительность ко всему иностранному уживалась с азиатским прагматизмом“, – заключает Медзини.

Шанхайское гетто, которое стало главным местом обитания японских евреев в годы Второй мировой войны, просуществовало до 2 сентября 1945 года. Именно тогда Япония подписала акт о капитуляции. Двумя месяцами раньше гетто пострадало от американских бомбардировок. В результате погибли 30 жителей, ещё порядка 300 были ранены. Сегодня в этом районе города, который вновь стал территорией Китая, установлен монумент в память о беженцах. В 1952 году Япония официально признала Государство Израиль. Тогда же между странами начались дипломатические отношения. Еврейское население в Японии сегодня насчитывает около двух тысяч человек.

Михаил БЛОКОВ.

12 октября 1930 года в Киеве в семье Антона Михайловича и Ольги Матвеевны Быковых родился сын. Заботливый отец носил в роддом фрукты и книги. Одна из них – французского писателя Ромена Ролана – очень понравилась молодой маме, и она решила назвать новорождённого в его честь... вот только перепутала имя с фамилией. Так на свет появился Ролан Быков.

Отец – Семён Геронимович Гордановский – был по отцу поляком, а по матери – чехом, но всю жизнь говорил на ярёном южно-украинском суржике, потому что родился и вырос в Гуляй-Поле, в степном приволье Северного Причерноморья. Рано осиротев, он беспризорничал, потом попал в сиротский приют, прошёл четыре войны, бежал из австрийского плена, в Гражданскую воевал в Первой конной армии. В 1924 он был отправлен в Германию, где служил агентом советской разведки, используя фальшивые документы. Через два года вернулся в Киев, где познакомился со своей будущей женой, еврейкой Эллой Матусовной Ситняковской. Она принадлежала к зажиточной еврейской семье киевских торговцев, была хорошо образована, начитана, знала французский язык и даже пыталась играть в театре, но больших успехов в этом не достигла. Во время регистрации брака ей тоже сменили документы (в те времена безопасней всего чувствовали себя люди пролетарского происхождения). Дочь напмана и несостоявшаяся актриса стала простой мещанкой Ольгой Матвеевной Быковой.

Её сын также не избежал замены своих реальных имени и отчества, но по иной причине. При выдаче паспорта в милиции что-то напутали и записали Ролана Антоновича Роландом Анатольевичем. Мало того, так как паспорт выдавался в Москве, там неправильно перевели написанный в свидетельстве о рождении по-украински месяц появления на свет – „жовтень”. Решили, что раз годовщину Жовтневої революції празднуют в ноябре, значит, парень родился 12 ноября.

От отца Ролан унаследовал взрывной темперамент и неуёмную жажду жизни, а от матери ему достались артистизм и творческие способности. Несмотря на то, что говорить он начал достаточно поздно, уже в четыре года мальчик декламировал стихи со сцены, устраивал домашние спектакли и перфомансы и искренне недоумевал, почему окружающие покатываются со смеху. Это действительно было уморительное зрелище – Ролан был от горшка два вершка, при этом невероятно самолюбивый и амбициозный. Ему было всё интересно – за день неутомимый парнишка успевал натворить больше, чем его старший брат Героним за неделю, тараторил без остановки и постоянно придумывал какие-нибудь шалости.

Их семья жила в доме на углу Крещатика и Прорезной, в нижних этажах которого размещался магазин „Детский мир”. Именно на перекрёстке возле этого дома „работал” литературный Паниковский. Мама Ролана работала на Подоле. Он хорошо запомнил трамвай, на котором она отправлялась утром на работу. Однажды в трёхлетнем возрасте он сам по себе забрался в него и поехал. Когда озабоченные взрослые спрашивали мальчика, куда он едет, Ролан неизменно отвечал: „К маме”. Увидев своё чадо, Ольга Матвеевна чуть не рухнула в обморок.

В 1934 году Антона Михайловича перевели в Москву. Следом за ним отправилась и вся семья. Однако в столице большой карьеры отец Ролана не сделал – в запале спора запустил на одном из совещаний в первого секретаря Московского горкома стулом. В результате его „сослали” руководить каким-то предприятием, и отдельной квартиры семье не дали. Пришлось родителям Ролана, старшему брату (Герге) и ему самому ютиться в комнатухе в коммуналке на 43 комнаты.

В 39-м году „болевшая” театром мать Ролана отвела младшего сына в театральную студию „Родник”, где он с упоением стал играть на сцене, и на всю жизнь подружился с будущими режиссёром Сашей Миттой и актёром Игорем Квашой. Отсюда начался его длительный тернистый путь на сцену, на большой экран, а затем и за режиссёрский пульт. Но вскоре началась Отечественная война. Антон Михайлович в эвакуацию не уехал, „бронью” своей не воспользовался. Он отправил заводское хозяйство в тыл и ушёл добровольцем на фронт.

Однако не погиб, как это можно часто встретить в различных источниках, а благополучно пережил войну. В эвакуацию в Йошкар-Олу отправились все остальные члены семьи.

Здесь с Роланом произошло загадочное происшествие, спровоцировавшее досрочное возвращение семьи домой. Он любил наблюдать, как его бабушка гадала на картах раз-

Ролан Быков

ным людям, и однажды, когда она заболела, вызвался раскинуть карты одной зашедшей в гости соседке. У него вышло, что через три дня к ней вернётся муж, что он тут же и озвучил... Соседка убежала в слезах – она совсем недавно получила с фронта похоронку, а бабушка отвесила Ролану тяжёлую оплеуху. Однако через три дня муж действительно вернулся.

Вскоре в комнату, где жили Быковы, каждый день стала выстраиваться длинная очередь – все требовали, чтобы Ролан погадал им. К доводам его матери, что ребёнок ещё маленький, что ему нужно учиться в школе, никто прислушиваться не хотел. Люди готовы были платить немалые деньги, лишь бы поскорее узнать своё будущее. С одной стороны, какое-то время таким образом 12-летний мальчишка кормил и себя, и мать, и брата, и бабушку. С другой – у него начали всё чаще повторяться нервные припадки, и семья без продовольственных карточек и средств к существованию зимой 43-го года бежала от назойливых заказчиков из Йошкар-Олы в Москву, где Ролан сразу попал в психиатрическую больницу им. Кащенко. Только здесь его смогли вернуть в нормальное равновесное состояние.

Как и отец, младший Быков хотел воевать. Он и его товарищ, такой же 12-летний мальчишка, сбегали на фронт, пробрались в ближайший тыл какой-то части и стали пускать из добытой ими где-то ракетницы в ночное небо осветительные ракеты, надеясь, что их обнаружат и сделают „сынами полка”.

Однако вместо этого подросткам несколько раз съездили по зубам. Армейские контрразведчики решили, что Ролан и его друг – это завербованные немцами шпионы. Когда всё прояснилось, горе-воjak отправили обратно в Москву к их мамашам. Пришлось, вместо того чтобы ходить в яростные атаки и бить врага, топать в школу и грызть гранит науки, продолжая в свободное время занятия в театральной студии, где Ролан и талантливо играл на сцене, и пел, и танцевал, и писал стихи. За этими занятиями незаметно пролетели последние два года войны, началась мирная жизнь.

Тем временем отец Ролана завёл себе в другом городе вторую жену, с которой распался, для чего получил второй паспорт. Он дарил обоим своим не знавшим друг о друге супругам одинаковые наряды, обувь, украшения... На этом и „погорел”. Однажды вторая жена приехала в Москву и оторопела, встретив на улице своего „двойника” – мать Ролана. Женщины сверили паспорта и быстро определили, каким редкостным проходимцем оказался их, как выяснилось, общий супруг.

Антон Михайлович тут же получил два развода и бежал из Москвы, чтобы не „сесть” за двоежёнство, которое в СССР сурово каралось. Пришлось ему вернуться в Украину, где он работал руководителем различных организаций. За свою жизнь ему довелось поуправлять и кинотеатром, и предприятиями общепита, и складом, и заводом лесохимии... и даже где-то на юге побыть директором артели пляжной фотографии.

Так постепенно судьба довела отца Ролана до Львова, где он осел, завёл новую семью, но при всём при этом иногда приезжал в Москву в гости к первой жене, детям и внукам. Ольга Матвеевна, несмотря на то горе, которое доставил ей бывший муж, до конца жизни оставалась с ним в дружеских отношениях. После развода родителей прошло время. Ролан Быков окончил школу, затем – Щепкинское училище, долгое время играл в московском ТЮЗе, основал существующий поныне Студенческий театр МГУ, отслужил главным режиссёром один сезон в Ленкоме, стал всё активной и активной сниматься.

В 60-е он уже слыл в СССР известнейшим актёром и режиссёром. „Кочуя” с одной съёмочной площадки на другую (Быков сыграл более чем в 100 фильмах и снял 9 полнометражных кинолент), он иногда заезжал и в родной город. Однажды с ним здесь произошёл случай, прочно занявший своё почётное место среди лучших советских актёрских баек. Ролан Антонович участвовал в съёмках очередного фильма, и в перерыве между дублями забежал в какую-то маленькую булочную. За прилавком стоял молодой киевский продавец: „У вас баранки свежие?” „Нет...” „А кексы?” „Возьмите лучше баранки...”

Однако, конечно, из-за отсутствия в Киеве большого числа друзей (всё-таки семья уехала из города, когда ему было всего четыре года), навещал он украинскую столицу нечас-

то. Ролан Антонович не стремился снимать здесь свои фильмы, а во время съёмок в „чужих” городах приезжал от случая к случаю.

Но однажды Киев всё-таки сыграл в его жизни значительную роль. Семейная жизнь у Ролана Быкова сперва не заладилась. Он по любви женился на актрисе московского ТЮЗа Лидии Николаевне Князевой, которая была старше его на пять с половиной лет. Зрители её знают по роли обезьянки Чичи в известном детском фильме Ролана Антоновича „Айболит-66”, в котором сам он блестяще исполнил роль разбойника Бармалея.

Своих детей им завести никак не удавалось, и они усыновили мальчика – Олега. Однако 15 лет семейной жизни не приносили удовлетворения. Быков пил, иногда запойно, часто изменял жене. Дошло до того, что она несколько раз не пустила его домой, и, в конце концов, супруги разошлись.

В 1972 году режиссёр Юрий Рогов снимал в Кишинёве производственную киноленту „Докер”, в которой на главную мужскую роль назначили опытного 41-летнего Ролана Быкова. Главную женскую роль предложили Елене Санаевой. Быков даже позвонил ей и предложил срочно вылететь в Кишинёв, чтобы как можно скорее приступить к совместным съёмкам.

Но она словно из ледяного душа „окатила” его сообщением, что не летает (актриса в то время действительно боялась полётов). Быков, посчитав Санаеву мажоркой, папиной дочкой и избалованной актриской (если кто вдруг не знает, её отец – Всеволод Санаев – был к тому времени известным всему Союзу актёром). В связи с этим он предложил Рогову пригласить другую актрису, однако та вскоре заболела – в стране „гуляла” эпидемия гриппа. Санаевой снова сделали предложение сниматься, и она, хоть и опаздывала из-за своей самолётобоязни на двое суток, согласилась.

Елена Всеволодовна взяла билеты на поезд через Киев – там в это время гостили у родственников её муж и сын.

По более поздним признаниям, она к тому времени уже так же, как и Быков, была несчастлива в браке и тянула семейную „лямку” только из-за сына. С мужем они договорились, что он будет держать контакт с администраторами ленты, и, если к моменту её приезда в Киев ничего не изменится, она поедет дальше в Кишинёв, в противном случае – останется с семьёй.

На перроне встретивший Санаеву муж сказал ей: „Лёленька, поезжай, всё нормально”. Так, сам того не подозревая, он фактически отправил свою жену в „объятия” Ролана Быкова. Как потом выяснилось, после злосчастного телефонного разговора актёр, заочно невзлюбивший „капризную” партнёршу, интриговал против неё и уговорил режиссёра пригласить на главную женскую роль ещё одну актрису – она приехала в Кишинёв раньше Санаевой и ждала своей очереди на пробы.

Узнав об этом от Рогова, Санаева встала в позу и потребовала, что раз уж она утверждена на роль „Ленфильмом”, то пусть её и снимают. Ни за одну роль в своей жизни она не боролась так, как за эту. Режиссёру ничего не оставалось, кроме как распорядиться готовить её к первому съёмочному дню.

Увидев Санаеву на площадке, Быков влюбился с первого взгляда. После четырёх месяцев ухаживаний ему удалось убедить Елену Всеволодовну начать совместную жизнь.

Благодаря ей он бросил пить, нашёл свою силу и опору, снялся во многих замечательных фильмах и сам снял такие, оставившие в отечественном кинематографе неизгладимый след ленты, как „Автомобиль”, скрипка и собака Клякса” (1974), „Нос” (1982), „Чучело” (1983).

Всю последующую жизнь Ролан Антонович считал, что Елена Санаева была послана ему свыше. Что Г-сподь создал её специально для него. „Мне часто говорили, что я бабник, – как-то вспоминал он. – А оказывается, я однолюб...”

Ну а нам остаётся только заметить, что любовь всей его жизни фактически приехала к нему из Киева, из его родного города, в котором он появился на свет.

По материалам Интернета.

Симхат Тора - история, традиции

В число наиболее весёлых еврейских праздников входит Симхат-Тора. Им заканчивается годичный цикл чтения Торы, после чего евреи незамедлительно начинают новый круг. Примечательно, что в СССР Симхат-Тору иудеи праздновали даже с большей радостью, чем Песах, считающийся наиболее значимым из всех еврейских торжеств.

Чтобы понять, чем интересен этот праздник для современников, следует углубиться в прошлое. В качестве отдельного дня под названием „хафтара” его знали ещё в период Талмуда. В раннее Средневековье, эпоху вавилонских гаонов, в него внесли некоторые коррективы: трёхгодичный цикл чтения Торы заменили на одногодичный. Сам же курс завершался чтением последнего раздела Торы под названием Браха, который является 33 и 34 главами книги Дварим (Второзакония). Ещё позже появилась традиция в этот же день начинать чтение Священного Свитка с первой главы.

С тех пор праздник получил своё окончательное название, чёткие даты и принципы проведения. Во всех странах, по которым рассеялись евреи, Симхат-Тору начинали праздновать после окончания Шмини Ацерет. У евреев Эрец-Исраэль это был следующий день после завершения праздника Суккот. Читать Тору Торы вызывали всех без исключения мужчин, включая маленьких мальчиков. В последний день цикла, приходящийся на субботу, в синагогах зачитывают заключительную главу Торы, после чего сразу же начинают чтение Священного писания сначала. Этим евреи подчёркивают вечность Священной книги и необходимость в непрерывности её изучения.

Дополнительную торжественность празднику придаёт Акафот – утренние и вечерние шествия людей со свитками проходят вокруг возвышенного места в центре синагоги (бима –

ред.), где обычно читается Свиток Торы. Процессию сопровождает всеобщее ликование и танцы, чем евреи демонстрируют свою веру, преданность, любовь к Творцу всего сущего на планете. Такие торжественные мероприятия становятся одними из самых светлых и чувственных в жизни иудеев.

Уже упоминалось, что завершение годичного цикла чтения Торы сопровождается немедленным началом нового круга, когда Священное писание начинают читать с первых глав. Многие евреи просто следуют этой давно сложившейся традиции, даже не задумываясь, откуда она появилась. Еврейские законоучители так объясняют её появление. После дарования Вс-вышним царю Шломо (Соломону) особой мудрости, тот по этому поводу устроил праздник. Празднование проходило не для одного царя Шломо лично, а для всех евреев. По мнению еврейских законоучителей, логичным выглядит организация праздника с весельем, пирами, плясками именно в день завершения чтения Торы, ведь она дарует людям особую мудрость и уникальные знания, чему следует радоваться.

Существует и ещё одно объяснение. Предполагается, что Сатана может воспользоваться моментом завершения чтения Торы, для того чтобы начать утверждать, будто евреи не желают продолжать её изучать, а радуются завершению чтения и возможности заняться другими делами. Чтобы этого не произошло, было принято решение немедленно возобновлять чтение Торы с начальных глав. Здесь, правда, существует ещё одно правило: в руки одного чтеца нельзя давать два свитка. Раньше такую проблему решали просто: по завершении чтения Дварим служащий синагоги начинал по памяти читать первые главы Торы. Сейчас поступают ещё проще: читать Тору выходит два человека со свитками, каждый из которых поочерёдно прочитывает положенные ему части.

Эдуард БЛОКЧЕЙН.

Он учился у Ландау, даже командуя артиллерией во время войны. Потом с ним же создавал советские бомбы – и атомную, и водородную. Когда же учитель ушёл, Исаак Халатников остался в науке за него, пока не умер в Москве в свой 101 год.

Учёный любил шутить, что на развитие его умственных способностей повлияли пертурбации, которые тогда происходили с его родным городом Екатеринославом, вскоре ставшим Днепропетровском. „Прямо в день моего рождения – 17 октября 1919 года – в город входили банды Махно, – делился Исаак Халатников. – Моя мама Тауба Давыдовна так опасалась возможных погромов, что, едва родив меня, побежала в убежище. В суматохе она несла меня головой вниз. Возможно, именно эта встряска и сыграла решающую роль в моем дальнейшем развитии“.

В 1926 году Халатников пошёл в школу-семилетку, окончив которую, собрался было в химико-технологический институт. Но выяснилось, что 14-летних они не берут. Тогда Халатников решил пробраться в вуз через рабфак, слушатели которого становились студентами через девять месяцев учёбы. Ради такого юноша устроился на местный завод токарем, но вскоре выяснилось, что и это не поможет: для рабфака он тоже слишком юн. К неимоверному счастью Исаака, именно в этот момент в Днепропетровске открылась первая школа, рассчитанная на десять лет обучения.

Следующие три года прошли на „отлично“: Халатников легко учился, увлекался шашками, да ещё и выигрывал одну математическую Олимпиаду за другой. Однако поступать он всё-таки в последний момент решил на физическое отделение, которое как раз в 1936 году появилось в Днепропетровском университете стараниями Абрама Иоффе. По сути, это был филиал Физтеха в Ленинграде. „В университет приехала большая группа ленинградских профессоров, – вспоминал Халатников. – Среди них был Борис Николаевич Финкельштейн – приятель Ландау. И хотя учебников Ландау-Лифшица тогда ещё не было, рукописи его лекций циркулировали среди студентов, и мы изучали теорфизику по конспектам лекций Ландау. Их красота произвела на меня глубокое впечатление, и я очень быстро решил, что буду физиком-теоретиком. И стал ходить на

семинары Финкельштейна“.

Вскоре Финкельштейн стал научным руководителем Халатникова – именно он посоветовал талантливому студенту съездить за год до окончания вуза в Москву и попробовать сдать так называемый „минимум Ландау“. В случае удачи это позволило бы Халатникову учиться в аспирантуре у самого Ландау. «Прочитав рекомендательное письмо от Финкельштейна, – рассказывал Халатников в книге воспоминаний, – он тут же меня проэкзаменовал – прямо на доске дал мне интеграл, который нужно было привести к стандартному виду. Я его тут же на доске взял. Это, должно быть, произвело на Ландау какое-то впечатление, потому что больше он не стал у меня ничего спрашивать, а только сказал: „Продолжайте сдавать“».

Кстати, позже Пётр Капица, директор Института физических проблем, в котором работал Ландау, а впоследствии и Халатников, рассказал смешную историю. Оказалось, что он пообещал Ландау выдать премию за первого аспиранта-нееврея. „Глядя на меня и на мою фамилию, Ландау решил, что я как раз тот самый случай, – рассказывал Халатников. – Я ещё и блондином был, то есть и выглядел подходяще“. Капица в итоге премию Ландау выплатил, потому что Халатников успешно сдал все восемь экзаменов „минимума Ландау“. О том, что он всё-таки еврей, все узнали гораздо позже.

Приглашение в аспирантуру от Ландау Халатников получил в день окончания Днепропетровского университета – 21 июня 1941 г. На следующий день началась война. Халатников мог спокойно отправиться в Москву, не боясь обвинений в дезертирстве. „Но тогда это было как-то неприлично что ли, – вспоминал он. – Дело даже не в патриотизме, а, наверное, в той примитивной приверженности дисциплине, к которой мы все были приучены“.

В армии Халатников впервые столкнулся с антисемитизмом. Раньше он о таком явлении не знал. По его словам, в довоенные годы в Украине не было никакого национализма. В доме, во дворе, в университете были украинцы, русские, евреи, и никогда не было никаких

распрей на национальной почве. Впрочем, антисемитизм никак не помешал ему отучиться в одной из военных академий Москвы и закончить войну командиром пятого полка 57-й зенитной дивизии.

Отпускать его из армии никто не собирался, и Капице пришлось с боем отвоёвывать его у маршала Николая Воронова. „Капица поддразнивал тем, что после создания атомной бомбы артиллерия больше не будет богом войны, – вспоминал Халатников. – И среди прочего назвал меня как человека, который физике нужнее, чем артиллерии. И вскоре появился приказ маршала Воронова о моей демобилизации“. В сентябре 1945 года Халатников начал работать в Институте физических проблем в качестве аспиранта Льва Ландау – он занимался физикой низких температур.

К атомному проекту Халатникова привлекли летом 1946-го. По указанию Ландау он занимался расчётами процессов, происходящих при атомном взрыве. Счёт шёл на миллионные доли секунды. В итоге расчёты, проведённые группой Халатникова, полностью совпали с результатами первых испытаний в 1949 году. Затем были расчёты и для водородной бомбы, вновь совпавшие с результатами её испытаний в 1953-м. За всё это Халатников получил Сталинскую премию. К слову, после смерти Сталина Ландау вышел из атомного проекта, передав свою группу Халатникову, которому тогда было 33 года.

Исаак Халатников, помимо участия в создании советских атомной и водородной бомб, совершил множество прорывов в теоретической физике. Так, Ландау заложил основы теории сверхтекучести, а Халатников разработал полную теорию сверхтекучести. Вместе с Ландау и Абрикосовым учёный открыл проблему „нуль-заряда“, тем самым сняв имевшиеся противоречия в теории поля. Совместно с Евгением Лифшицем физик решил важные проблемы возникновения сингулярности при эволюции Вселенной, показав её хаотический характер.

Несмотря на полную погружённость в науку, Халатников никогда не забывал оставаться человеком – в советские годы это вполне тя-

нуло на ещё одну, вторую, полноценную работу. Именно Исаак Маркович был инициатором коллективного

письма 12 физиков в ЦК КПСС о возвращении Капицы на должность директора Института физических проблем. Дело в том, что знаменитый физик был в опале с 1946 по 1955 год. Халатников принимал и самое деятельное участие в помощи и реабилитации Ландау после автомобильной катастрофы. Когда же стало понятно, что Ландау уже не вернётся к занятиям теоретической физикой, Халатников захотел сохранить школу Ландау с её традициями и стал инициатором создания Института теоретической физики в Черноголовке.

Первоначально речь шла о филиале Института физических проблем, и согласие на это Капица дал легко. Но затем он передумал, после чего и было принято решение отделяться окончательно. „Развод“ был трудным – от Капицы уходило тогда лучшие теоретики. И, тем не менее, заручившись поддержкой Академии наук, в начале 1965 Халатников организовал Институт теоретической физики имени Ландау и стал его директором – на этой должности он оставался вплоть до 1992 года. Говорят, в 1975, на одном из симпозиумов, одобрил это, наконец, и сам Капица: „Халат был прав, когда создал этот институт“.

Сам же Исаак Маркович Халатников всегда с благодарностью вспоминал советы своего учителя – Ландау: „Он учил анализировать каждую ситуацию и каждое событие, как в теоретической физике. То есть упрощать, отбрасывать шелуху, добираться до самого ядра, до сути. И я просто всегда старался понять, как работает механизм принятия того или иного решения, затем уже подбирая нужный ключ“.

Алексей ВИКТОРОВ.

История грузинских евреев

Пожалуй, практически все люди, вышедшие из Советского Союза, знали о таком парадоксальном регионе страны как Еврейская автономная область. Несмотря на громкое название, евреев там было крайне мало, а в последнее время их там вообще насчитывается менее двух тысяч человек. Но оказывается, на просторах Советского Союза был ещё один регион со сходной судьбой. И хотя евреи в нём жили намного дольше и даже получили там имя собственное, эти земли были ими покинуты, едва только появилась возможность мигрировать в более благополучные места. Речь идет о Грузии и евреях, проживавших на её территории.

С XI века данное название стало встречаться в исторической литературе, в России оно вошло в обиход в XIX столетии, после того как Грузия вошла в состав Российской империи. Достоверной информации о первом появлении евреев на этих землях нет, правда, существуют легенды, из которых следует, что они пришли в Иберию после покорения Северного Израиля Ассирией. Вполне возможно, что какая-то часть угнанных оттуда евреев вскоре появилась в Закавказье, и осела там. Если это так, то празднование в 2014 году 2600-летия присутствия евреев на грузинской земле, было закономерным.

Согласно труду „История Грузии“, написанному представителем царской династии Багратиони царевичем Вахушти, изгнанникам из Израиля наместником Мцхета были предоставлены земли вдоль реки Занав. Интересно, что полтысячелетия спустя, после того как римляне вторично разрушили Иерусалимский храм, а проект с еврейским государством на Ближнем Востоке был ими закрыт, в Мцхет прибыла новая группа иудеев, поселившаяся рядом со своими бывшими соплеменниками.

Подтверждением тому, что в начале новой эры в Грузии уже проживали евреи, служат документы, написанные арабскими учеными в VI-VII веках. Мало того, они имели возможность общаться с соплеменниками в других государствах. Этому не помешало даже то, что во второй половине VII столетия существенная часть Грузии стала провинцией арабского халифата. Она продолжала оставаться христианской страной, а грузинские евреи придерживались здесь собственных обычаев и религиозных канон. О подобном говорит хотя бы такой факт, что грузинские евреи переписывались с царём Хазарии Йосефом, и отправлялись в Вавилон для получения разрешения на руководство еврейской общиной на грузинских и армянских землях.

Приход монгольских завоевателей на восток европейского континента вытеснил часть иудеев из Грузии в более спокойные страны. Об этом можно судить по факту наличия в Тебризе (ныне северо-западная часть Ирана) еврейского законоучителя Иешаяу бен Йосефата с говорящей приставкой Тифлиси. Там в 1330 году он написал своё со-

чинение „Райская книга“.

К сожалению, в самой Грузии положение евреев складывалось далеко не лучшим образом. В конце 1300-х годов местные феодалы и цари начали переводить их в разряд крепостных. Такому положению вещей способствовало крайне бедственное положение нижних слоёв общества Грузии, к которым относились и евреи. Первый документальный факт их закрепощения датирован 1398 годом. Тогда экс-патриарху грузинской церкви Диометию местным царём Александром были вручены дары, включая 27 еврейских семейств.

Период XV-XVI столетий в Грузии характеризуется регулярными вторжениями иноземных завоевателей, главной целью которых была нажива. Положение местных жителей усугублялось тем, что нападениями на соседей не брезговали и местные цари с феодалами. В результате бесперывных внутренних распрей люди нищали, а страна раскололась на несколько враждующих между собой фрагментов. Значительные площади Грузии обезлюдели, оставшиеся жители в поисках хоть какой-то защиты начинали искать покровительство у местных феодалов.

Понятно, что поиздержавшимся в военных походах царям и феодалам были нужны дополнительные рабочая сила и „обменный фонд“. Благо, приходившим к ним евреям требовалось исключительно покровительство. Просьба к властелину была только одна: не принуждать их переходить в христианство. И формально владельцы крепостных этого договора придерживались. Однако следует учесть фактор крайней бедности грузинских евреев. А списание долгов либо их выплата другими лицами, в частности, грузинской христианской церковью, сопровождалось условием принять христианство. Печально, но такое положение вещей сохранялось в Грузии в течение пятисот лет.

Данный период времени отмечен также рядом массовых миграций. Так в Крым в XV-XVI веках добровольно переехало значительное число евреев. В XVII-XVIII столетиях уже в Персию было насильно отправлено огромное число местных евреев и христиан. Подобное не могло не сказаться на численности грузинских евреев, а также на снижении уровня их религиозных знаний. Столь печальная ситуация сохранялась вплоть до прихода на Кавказ России.

Когда Российская империя взяла под свое крыло Восточную Грузию, статус местных евреев изменился не столь значительно. Из разряда царских крепостных их перевели в положение крепостных казначейства. Однако уже в 1804 году на свет появилось положение, согласно которому евреи получили право расселяться по Кавказской губернии и даже приобретать там в собственность земельные наделы. На юг потянулись иудеи из центральных регионов России. Они открыли для местной диаспоры новые направления деятельности: пошив одежды, головных уборов, обуви.

Теперь евреи из глубинки потянулись в города. Но что интересно, выходцы одного поселения старались выехать в один город единой группой. Там они селились рядом, основывая собственную общину, строившую свою синагогу. Руководство осуществлялось выборным человеком, габбаем. Религиозной жизнью заведовал хахам (мудрец), сочетавший в едином лице раввина, шойхета, мозля, меламеда. Постепенно возникали особые городские кварталы, где главенствовал еврейский уклад жизни.

К чести грузинской христианской церкви, она спокойно относилась к иудеям. Правда, подобного нельзя сказать о рядовых грузинах. Вплоть до начала XX столетия в Грузии было отмечено шесть кровавых наветов, а в 1895 в Кутаиси даже произошёл жестокий еврейский погром. Однако одновременно с этим в еврейской среде резко вырос уровень религиозного образования. Здесь появились раввины, наиболее знаменитым из которых стал Авраам а-Леви Хволес. Благодаря ему, грузинские евреи стали изучать иврит, а их дети, включая девочек, начали получать образование в школах.

После 1917 года Грузия на короткое время получила независимость. Грузинское учредительное собрание (такое имя носил парламент новообразованной республики) предоставило евреям два места, и ещё одно было зарезервировано за ашкеназами, мигрировавшими сюда из царской России. Правда, этот период продлился недолго. В 1921 году Красная армия перешла через Главный Кавказский хребет, и грузинские правители покинули Грузию и эмигрировали в основном в Турцию. Уехали из страны и порядка 1500-2000 грузинских евреев, частично обосновавшиеся в Стамбуле, а частично переправившись в Палестину.

Действия новой власти относительно евреев нельзя назвать однозначными. Поначалу советские чиновники подчеркнута уважительно относились к их религиозным традициям. Но потом ситуация поменялась, и в республике начались преследования еврейских религиозных деятелей. Справедливости ради, следует объяснить, что подобная ситуация существовала по всей стране, а не только в Грузии.

Фактически конец грузинской еврейской общности наступил после распада СССР на отдельные независимые республики. Если в период существования СССР из Грузии выехало порядка 3 000 евреев, то в 1990-е годы этот скромный ручеек превратился в бурную реку. За короткий срок абсолютное большинство грузинских евреев покинуло республику. Большая часть из примерно 200 000 человек, совершила алию в Израиль. Там сейчас проживает около 120 000 бывших грузинских евреев. Остальные отъехали в Россию, США и Евросоюз. В самой Грузии остались от 4 000 до 13 000 евреев, как правило, людей преклонного возраста, не пожелавших менять привычного места жительства.

Марина СЛИВИНА.

Счастличик Эля

– Что такое еврейское счастье? Это когда сидишь на чемоданах, балагула кричит под окном, когда вы уже, наконец, закончите свои майсы, паровоз вас ждать не будет, и ты думаешь, что там, где-то тебя ждёт булка с маслом, сверху намазанная ещё повидлом тёти Баси! Но я тебе скажу, зуналэ, не раскрывай широко рот на этот марципан: булка может оказаться чёрстой, как пряник, что нам в прошлом году привозила из Пропойска тётя Рива, а масло солёное, как море в Палестине и вдобавок повидло будет с косточками! И там ты будешь вспоминать мамин лэках, как съедать чудо света! Хотя мы с тобой знаем, что такое мамин лэках?! – так говорил реб Эля его папа, сапожник реб Генех-Янкель.

Реб Эля делал вид, что согласен с папой, но внутри оставался при своём мнении, что ему, Эле счастье в Краснополье не видать, как своим ушей. И как он мог думать иначе, если невзгоды сыпались на него, как из рога изобилия. Когда он учился в хедере, меламед всегда обязательно спрашивал его то, что он не знал и даже если он всё знал, меламед его опутывал вопросами, как реб Товье верёвкой козу и реб Эля в эти минуты забывал всё, что знал. Его друг Иоська, сын тёти Добы, говорил ему:

– Эля, я бы на твоём месте вообще ничего бы не учил: всё равно один результат! Виленским раввином тебе никогда не стать!

– Я это понимаю, – соглашался реб Эля. – Но не может же всё время от меня отворачиваться удача? Когда-то должно и мне повезти!

Но счастье обходило его стороной. Если чья-нибудь коза забиралась в чужой огород, то можно было не сомневаться, что это была коза реб Эли. Если у кого-то на ярмарке вытащили кошелек, то конечно это был кошелек Эли и, можете быть уверены, что по этому случаю кошелек не был пустым: Эля только что успел продать козу! И даже когда град упал на Краснополье, вы думаете, кто больше всего пострадал? Не напрягайте вашу голову, ей хватит других забот, чтобы болеть! Конечно, это был реб Эля. Град не только побил весь его огород, но и убил единственного гуся, которого реб Эля берёт на Пейсах. И таких историй у реб Эли было чуть-чуть больше, чем денег в кошельке реб Зевина.

И тогда мама Эли Лиза-Хая не выдержала:

– Генех, – сказала она Элиному папе, – не пора ли нам, что-то изменить в жизни нашего Эли?

– Что ты имеешь в виду? – спросил реб Генех-Янкель, просовывая драгву в иголку.

– Что я имею в виду!? – запричитала Лиза-Хая. – Ты ещё спрашиваешь? Будто разговор идёт о козе реб Хаима, а не о родном сыне! На него же сыплются беды, как из кастрюли горох!

– Ну, это ты, Лизалэ, немножко преувеличиваешь, – заметил реб Генех, – не такой уже шлимазл наш зуналэ! Ну, немножко тянул его за уши меламед, так, зато теперь наш Эля знает Тору лучше меня, а уши его от этого не стали больше. Ну, убил град его гуся, так мы ему дали другого, и я тебе скажу, наш гусь был не хуже! И вообще, как говорил мой папа, от своей судьбы даже мешком с золотом не прикроешься!

– Может, его женить? – подумала вслух Лиза-Хая, и добавила. – Как говорил мой папа, умная жена – это счастье в доме!

– И где ты в Краснополье видела такое счастье? – поинтересовался реб Генех.

– В булочной, – спокойно сказала Лиза-Хая.

И реб Элю женили на булочнице Хасе-Добе, которую за глаза все звали Здобой за пышные формы и твёрдый характер, которой она унаследовала от своего папы вместе с булочной.

– Я сделаю Элю счастливым человеком, – пообещала она Элиным родителям и принялась выполнять свое обещание в первый же день их совместной жизни.

– Что я не сделаю, всё не так, – рассказывал о своём „счастье“ реб Эля своему другу Иоське. – Я боюсь уже открыть рот и шевельнуть рукой! А не дай Б-г, я что-то не так скажу про её родственников, то лучше мне подавится флюдуном, чем произнести это слово! Такое моё везение! – Эля подымал глаза к небу и с надеждой смотрел вверх. – Готуню, пусть мне один раз в жизни повезёт!

– В кашу масло само не затечёт, если ты его не нальёшь, – заметил реб Иосиф. – Надо само искать булку с маком!

И однажды, после вечерних нравоучений Хаси, Эля проснулся

среди ночи, встал с постели и стал одеваться.

– Опять во двор? – спросила Хася.

– В Америку, – ответил Эля.

– Я же тебе говорила не пить перед сном молоко, – заметила Хася и добавила. – Когда будешь идти мимо сарая, не потопчи помидоры!

– Хорошо, – сказал Эля и ушёл.

И куда вы думаете, он ушёл? Как Вениамин из Туделы за счастьем! Как утром сказала мама Иосифа, они пошли с моим мамзулом в Америку счастье искать.

Всё Краснополье ходило ходуном, Здоба рвала на себе волосы, причитая о любимом Элечке, а Элин папа всех успокаивал, говоря, что Эля к Пейсаху вернётся, ибо нигде на свете не делают грибенки лучше, чем в Краснополье!

И чтобы вы думали? Полгода никто ничего в Краснополье не слышал про Элю, но к первому седеру он появился на Чериковской дороге.

И первые слова, которые он произнёс в Краснополье, были:

– Татуню, ты был прав! От своей доли не убежишь, как от горба!

И он поведал, сбежавшимся к дому реб Генеха краснопольским евреям, свою историю.

– Всё время моё везение было со мной! Иоську в Америку пропустили, а мне показали от ворот большой поворот! Сказали не тот рост и не туда глаза смотреть! Помахал я Иоське рукой и стал искать другой ход! И чтобы вы думали? – реб Эля посмотрел на земляков печальными глазами и вздохнул. – Я был от счастья в двух шагах, как сейчас от Добочки, но... Меня взяли матросом на большой пароход. Вы бы видели этот пароход! В нём уместилось бы всё наше Краснополье и ещё осталось бы место для Костинович, Черикова, Кричева и даже Могилева! И этот пароход плыл в Америку! Но когда не везёт, то не везёт всю жизнь. Ты, папа, прав. Перед самым отплытием мне надо было спотыкнуться и подбить глаз, и капитан сказал, что я своим глазом порчу вид их парохода! И меня списали на берег! И моя мечта уплыла без меня, – реб Эля полез в мешок, болтавшийся у него за спиной, и вынул оттуда матросскую бескозырку. – Вот это всё, что осталось от моего счастья, – грустно сказал он и надел бескозырку матроса с парохода „TITANIC“.

Марат БАСКИН.

Серёжка

– Исполни уже, наконец, свой супружеский долг! – сказала мне жена.

И я, понузив голову, приступил к исполнению. Подошёл к супружескому ложу, размером два на два, и, немного покряхтев, без домкрата и иных вспомогательных средств, исполнил... То есть поднял вышеупомянутую кровать, дабы жена могла засунуть под неё зерло пылесоса. И как только она его туда засунула, пронзительно вскрикнул:

– Ой! Что-то сверкнуло!

– В глазах?! – испугалась жена и, бросив пылесос, кинулась к телефону: заказывать мне КТ, МРТ, и так далее...

– Да нет же! – натужно пояснил я. – Под кроватью серёжка!

– Какой ещё Серёжка?! – поблелдела благоверная, машинально отступив от места преступления.

– Да не Серёжка, а серёжка! – хрипло сказал я и, подперев плечом край ложа, извлёк из-под него золотую серьгу.

– Вот, – продув от пыли, предъявил я находку. – Ты её чуть не засосала...

– За-со-са-ла? – внимательно всматриваясь в вещицу, проговорила жена.

– Ну да, – подтвердил я. – А что?

– А то, что это не моя серьга!

И тут уж поблелдел я.

– Как не твоя?

– А так!

Вообще-то, мной давно подмечено, что хуже потери, может быть только находка. Но чтобы такая! Да ещё в таком месте!.. Словом, мысли мои заметались, рот пересох... И вовсе не из-за того, что – боже упаси! А из-за того, что – сохрани и помилуй! Ибо легче объяснить непорочное зачатие, чем происхождение под брачным ложем женской серьги. Поэтому первой фразой, подкинутой мне в мозг инстинктом самосохранения, была фраза: „Это не я!“

Еврейская майса

– Это не я! – выкрикнул мой сухой рот. – Это не я! – повторило моё оцепеневшее сознание.

– Что не ты?!

– В смысле – не моё!

– А чьё?!

– Ничьё! Но не моё – точно! – вздул я вены в глазах и на шее.

– Может это девочек? – предположила жена.

– Конечно, девочек! – кивнул я всем туловищем.

– Да нет... – тут же отмахнулась она, – все их драгоценности я знаю... Разве что подружек.

– Конечно, подружек!! – гаркнул я, и кровать показалось мне пёрышком, так что её приземление на ногу я даже не почувствовал.

– Хотя, чего это их подружкам делать в нашей спальне? – задумчиво проговорила жена.

– Игралась, валялась, бесилась! – словно знаток „Что? Где? Когда?“, в миг накидал я версий.

– Кто валялся, игрался, бесился? – посмотрели на меня с прищуром.

– Подружки!

– Какие ещё подружки?

– Деде.. де-девочки!

– А чего ты так разволновался? Что это за заикание?

– Я?! Нет?!.. С чего ты взяла?!.. Чего это мне заикается?!.. – раскричался я, прыгая из октавы в октаву, пока не сорвался на фальцет.

– Да вот, не знаю...

И, взяв телефон, жена сфотографировала серьгу и набрала послание из трёх букв. А мной давно подмечено, что послание из трёх букв ничего хорошего не сулит. Особенно в семейном чате!

„Чья?“ – гласило то послание.

И вверху чата сразу же замигало „печатает...“.

„Приговор“ – подумалось мне, потому что легче объяснить в постели двух Серёжек, чем одну серёжку.

„Ква-ква!“ – квакнуло пришедшее сообщение, и у меня пропал пульс.

„Ой, так это ж моя! – писала средняя. – Мне их бабушка на девять лет подарила!“

– Вот видишь! – рассмеялся я. И, нащупав пульс, привалился к стенке.

– Что вижу? – спросила жена. – Пятнадцать лет назад? Да мы тогда даже в этом доме ещё не жили! Какие бабушки-дедушки?!

– А причём тут год дарения?! – возмутился я. – Главное, что это её! А потерять она могла когда угодно!

„Ква-ква!“ – снова по-жабьи квакнул телефон.

„Бабушка ей подарила с зелёными камнями, а эта – с белыми!“ – писала старшая.

– Белые, зелёные! – взвился я. – Да какая, к чертям, разница?! Главное, что это её серёжка! И всё! И закрыли тему! Дальтоники!!!

„Ква-ква!“ – не унывало земноводное.

„Такие серёжки есть у моей подружки“ – писала младшая.

– Ну вот! – выдохнув, сполз я по стеночке. – Я ж говорил... Что и требовалось...

Но стоило жене произнести: „Ну, ладно, считай – реабилитирован“, как эта тварь снова квакнула, и я взревел:

– Да что ж такое-то! Вы можете уже успокоиться раз и навсегда!!!

И на экране появился смеющийся смайлик с надписью: „Только ей мама их надевать не разрешает...“.

– Подумаешь, делов-то! – проорал я. – Так она без спроса взяла! Выключи уже этот чёртов телефон – у меня пульс пропадает!

„Ква-ква!“

„Потому что это серёжки её мамы!“ – дописала послание младшенькая.

И пульс у меня пропал окончательно...

Эдуард РЕЗНИК.

Еврейские праздники на 5782 (2021–2022) год

29 ноября – 6 декабря 2021 г.	Ханука	7 августа 2022 г.	Пост 9 Ава
17 января 2022 г.	Ту би-Шват	26 – 27 сентября 2022 г.	Рош ha-Шана
15 февраля 2022 г.	Пурим Катан	5 октября 2022 г.	Йом Кипур
17 марта 2022 г.	Пурим	10 – 16 октября 2022 г.	Суккот
16 – 23 апреля 2022 г.	Песах	17 октября 2022 г.	Шмини Ацерет
19 мая 2022 г.	Лаг ба Омер	18 октября 2022 г.	Симхат Тора
5 – 6 июня 2022 г.	Шавуот	18 – 26 декабря 2022 г.	Ханука

Согласно еврейской традиции праздник начинается вечером предыдущего дня после захода солнца.

Уважаемые читатели!

Продолжается подписка на газету

„Инэйнем“ на 2022 год!

Если вы хотите, чтобы свежий номер нашей газеты приносил вам домой, в ваш почтовый ящик, обращайтесь в редакцию газеты.

Не откладываете на потом.

Приходите сейчас!

Проект „ТУРБОТА ПОКОЛИНЬ – ХЭСЭД ДОРОТ“ был создан и работает при поддержке „Джойнт“ (JDC) – ведущей еврейской международной гуманитарной организации, которая более тридцати лет помогает нуждающимся евреям и развивает еврейскую жизнь в странах бывшего Советского Союза.

Подробную информацию о JDC вы найдёте на сайте: www.JDC.org

Claims Conference
The Conference on Jewish Material Claims Against Germany

Социальные услуги для подопечных (жертв нацизма) Хэсэда предоставляются при поддержке гранта от „Конференции по материальным претензиям еврейского населения к правительству Германии“.

Газета „Вместе“. Учредитель – Черкасский областной благотворительный еврейский фонд „Турбота поколинь – Хэсэд Дорот“.

Редактор М. Тайбишлак. Компьютерная верстка – М. Тайбишлак, П. Тайбишлак.

Свидетельство о регистрации ЧС №294 от 24 ноября 2000 г.

Адрес редакции: 18015, Черкассы, ул. Б.Хмельницкого, 66.

☎ (0472)37-70-79, 54-41-48; 54-43-11.

e-mail: ineinem20@gmail.com <http://hesed-dorot.c.k.ua>

Отпечатано в типографии г. Чернобай. Тираж 800 экз.

Подписной индекс 90781.

При перепечатке материалов ссылка на газету обязательна. Распространяется бесплатно.

Наши спонсоры: Еврейская Федерация Большой МетроВест Нью-Джерси и Международная общественная организация Центр „Джойнт“.

Просьба обращаться с этим изданием аккуратно – в нём приведены слова Торы.